

Д О В И Д Ъ К Н У Т Ъ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

П А Р И Ж Ъ

Я не умру. И развѣ можетъ быть,
Чтобъ — безъ меня — въ ликующемъ пространствѣ
Земля чертила огненную нить
Безсмысленнаго, радостнаго странствія.

Не можетъ быть, чтобъ — безъ меня — земля,
Катясь въ мірахъ, цвѣла и отцвѣтала,
Чтобъ безъ меня шумѣли тополя,
Чтобъ снѣгъ кружился, а меня — не стало!

Не можетъ быть. Я утверждаю: нѣтъ.
Я буду жить, тугой, упрямолюбый,
И въ страшный часъ, въ опустошенномъ снѣ,
Я оттолкну руками крышку гроба.

Я оттолкну и крикну: не хочу!
Мнѣ надо этой радости незрячей!
Мнѣ съ милою гулять — плечомъ къ плечу!
Мнѣ надо солнце словомъ обозначить!..

Нѣтъ, въдушный ящикъ вамъ не уложитъ
Отвергнувшаго тлѣнь, судьбу и сроки.
Я жить хочу, и буду жить и жить,
И въ пустотѣ копить пустыя строки.

МУЗЫКА.

Юрію Терапіано.

I

Огромный мостъ, качаясь, плыль въ закатъ,
Неся меня межъ небомъ и землей...
Какъ вамъ сказать, обиженные братья,
Про тотъ большой сіяющій покой.

То былъ восторгъ. Безъ мысли и начала.
Я въ первый разъ былъ счастливъ и — одинъ.
А тамъ, внизу, вода едва качала
Меня и мостъ и счастье безъ причинъ.

II

Путь мой твердь и превосходень жребій,
И рука ведущая легка:
Хорошо гулять въ блаженномъ небѣ,
Бережно ступать по облакамъ.

Растворясь въ благодати милой,
Шлю привѣтъ тебѣ, моя земля.
Ты меня поила и кормила,
Въ сонмѣ звѣздъ вращаясь и пыля.

Легокъ путь и благодотворень жребій:
Вотъ я вновь на маленькой землѣ,
Вотъ я вновь въ любви — и въ трудномъ хлѣбѣ,
Вновь хожу въ непостижимой мглѣ.

И когда отчаянью и тлѣну
Весело противостану я —
Это въ сердце бьетъ прибой вселенной,
Музыка могучая моя.

Исполнятся поставленные сроки —
Мы отлетимъ безпечною гурьбой
Туда, гдѣ счастья труднаго уроки
Окажутся младенческой игрой.

Мы пролетимъ сквозь бездны и созвѣзды
Въ обѣщанный божественный приютъ
Принять за все достойное возмездье —
За нашу горечь, мужество и блудъ.

Но знаю я: не хватить силъ у сердца,
Уже не помнящаго ни о чемъ,
Понять, что будетъ и безъ насъ вертѣться
Земной — убогій — драгоценный комъ.

Тамъ, въ холодкѣ сладчайшаго эфира,
Слѣдя за глыбой, тонущей вдали,
Мы обожжемся памятью о сиромъ,
Тяжеловѣсномъ счастья земли.

Мы вдругъ поймемъ: сіющаго неба,
Пустыни серебристо-голубой
Дороже намъ кусокъ земного хлѣба
И пыль земли, невзрачной и рябой.

И благородство гордаго пейзажа —
Пространствъ и звѣздъ, горящихъ какъ заря,
Намъ не замѣнить яблони, ни — даже! —
Кривого городского фонаря.

И мы попросимъ набожно и страстно
О древней сладостной животной мглѣ,
О новой жизни, бѣдной и прекрасной,
На милой, на мучительной землѣ.

Миѣ думается: позови насъ, Боже,
За семь небесъ, въ просторъ блаженный свой,
Мы даже тамъ — прости — вздохнемъ, быть можетъ,
По той тщетѣ, что мы зовемъ землей.

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т Ъ

Смиренномудро отвращаю слухъ
Отъ неба, что мнѣ ангелы раскрыли.
Мнѣ-ль, недостойному, вдругъ возвѣститъ пѣтухъ
Огонь и пѣнье лучезарныхъ крылій!

Благодарю Тебя за все: за хлѣбъ,
За пыль и жаръ моей дороги скудной,
За то, что я не навсегда ослѣпъ
Для радости, отчаянной и трудной.

За эту плоть, Тобою обреченную
Вину и хлѣбу, буквѣ и женѣ.
За сердце, древнимъ сномъ отягощенное,
За жизнь и смерть, довѣренныя мнѣ.

За то, что съ дѣтства слышалъ въ небѣ трубы я,
И видѣлъ персть, суровый и большой.
За то, что тѣло, бѣдное и грубое,
Ты посолилъ веселою душой.

Здѣсь человѣкъ живетъ — гуляетъ, ѣсть и пишетъ,
И руки жметъ знакомымъ и роднымъ...

Здѣсь человѣкъ живетъ и благодарно дышитъ
Прекраснымъ, вкуснымъ воздухомъ земнымъ.

И облачко его веселаго дыханья
Легко летя въ родныя небеса,
Проходитъ древній путь горѣній и блужданій
И падаетъ на землю, какъ роса.

И вспоминаетъ онъ свой летъ, свое вращенье
Въ космической таинственной пыли,
И холода высоту, и пламя очищенья,
И всѣ дороги неба и земли.

Веселю, любви и радости послушный,
Онъ въ мужественной вѣрѣ одолѣлъ,
Соблазны пустоты и скуки малодушной,
Безславный унижительный удѣлъ.

Пусть нищій маловѣръ злословитъ и клевететь,
Здѣсь ходитъ нѣкто, счастья не тая,
И жадно трогаетъ рукой земныя вещи,
Свидѣтелей отрады бытія.

Здѣсь человѣкъ живетъ и благодарно дышитъ.
Онъ все простилъ, въ стремленіи — понять.
И, слушая себя, Его дыханье слышитъ,
И жизнь ему любовница и мать.

Лежу на грубомъ берегу,
Соленымъ воздухомъ согрѣтый,
И жизнь любовно берегу,
Даръ mnogой радости и свѣта.

И сердце солнцемъ прокаливъ,
Его очистивъ отъ желаній,
Я слышу царственный приливъ
Невозмутимаго сіянья.

Такъ, омываемый волной
Въ вѣкахъ испытаннаго счастья,
Я принимаю трудъ и зной,
И предвкушаю хлѣбъ земной,
Какъ набожное сопричастье
Вселенной, трудной и благой.

Пусть жизнь становится мутнѣй и непролазнѣй,
Пусть трудно съ человѣкомъ говорить,
Пусть все бесплоднѣй трудъ, и несуразнѣй,
Благодарю Тебя за право: жить.

Пусть шаткіе и гибельные годы
Качаютъ насъ въ туманахъ и дыму,
Какъ утлые рѣчные пароходы —
Плывя въ океаническую тьму,

Воистину, ничтожна эта плата:
Слеза и вздохъ — за степь, за пѣснь вдали,
За милый голосъ, за глаза собрата,
За воздухъ жизнерадостной земли.

Да, я повиненъ въ непомѣрномъ счастья —
И въ простотѣ своей ликую я.
Я утверждаю — самовольной властью —
Досмысленную радость бытія.

Трудна судьба: средь грузныхъ и безкрылыхъ
О легкости, о небѣ говорить.
Средь полумертвыхъ, лживыхъ и унылыхъ
Бороться, вѣрить, радоваться, быть.

Я васъ зову въ сообщники и братья,
Не презирая вашей слѣпоты.
Услышьте-же дыханье благодати
Надъ этимъ міромъ трудной суеты.

Настойчиво спасая васъ отъ смерти,
Я васъ прошу: для васъ — и для меня —
Предайтесь мнѣ, и голосу повѣрьте
Утерянной отрады бытія.

Розовѣтъ гранить въ нѣжной стали тяжелаго моря.
Въ небѣ медленно плавится радостный облачный снѣгъ.
На нагрѣтой скалѣ, позабывъ про удачу и горе, —
На вершинѣ ея — одиноко лежитъ человѣкъ.

Человѣкъ — это я. Незамѣтный и будто ненужный,
Я лежу на скалѣ, никуда — ни на что — не смотря...
Слышу соль и просторъ, и съ волною заранѣе дружный,
Я лежу, какъ тюлень, я дышу — и какъ будто бы зря!

Онъ огромень, мой трудъ. Беззаботный, но опытный мастеръ,
Я себя научилъ неустанно и вѣрно хранить
Память древней земли, плотный свѣтъ безусловнаго счастья,
Ненасытную жажду: ходить, воплощаться, любить.

Я вышелъ. Вкругъ меня, какъ по приказу,
Возстала жизнь, оформилось ничто.
Гудя, ревя, мыча — рванулись сразу
Стада людей, трамваевъ и авто.

Я въ центрѣ возникающаго міра.
По радіусамъ отъ меня бѣгутъ
Деревья, камни, храмы и трактиры,
Гдѣ суетятся смерть, любовь и трудъ.

Міръ призраковъ, свободный и безбрежный,
Вдругъ воплотился, ожилъ и живетъ,
И, повинуюсь волѣ центробѣжной,
Встаетъ и крѣпнетъ, ширится, растетъ.

Мнѣ каждый шагъ являетъ воплощенье:
Вотъ домъ возникъ изъ дыма и песка,
Взглянулъ — и вотъ, въ невѣроятной лѣни,
Катятся голубыя облака...

Моимъ хотѣньемъ, чувственнымъ и грубымъ,
Рожденъ плѣнительный и сложный міръ:
Летитъ авто, дыматся въ небѣ трубы,
И рѣютъ звуки еле слышныхъ лиръ.

Изъ моего окна гляжу глубоко внизъ.
Мнѣ многое виднѣй съ моей высокой крыши.
Качаетъ небеса голубоватый бризъ.
Рождаются слова. Мы скоро ихъ запишемъ.

Дрожить мой старый домъ. Онъ старъ, мохнать, но твердъ
И не его страшитъ вѣтровъ непостоянство.
Мы скоро поплывемъ въ небесный тихій портъ,
На звѣздные огни, въ чистѣйшія пространства.

Мой домъ отчаливаетъ. Глуше бьетъ прибой.
Мы погружаемся въ морской невѣрный вечеръ.
Невѣдомыхъ друзей привѣтствую рукой:
Прощайте, милые, до скорой братской встрѣчи.

Прощайте, милые, я покидаю васъ
И въ этотъ строгій часъ, глухонѣмой, суровый,
Вамъ тороплюсь сказать въ послѣдній разъ
Простосердечное и дружеское слово:

Я видѣлъ много бѣдъ и всяческаго зла,
Тщету людской судьбы, затѣйливой и нищей,
Я зналъ живыхъ людей, обугленныхъ до тла,
И слышалъ голоса лежащихъ на кладбищѣ.

Я видѣлъ, какъ весной здоровый человѣкъ,
Среди веселаго земного изобилья,
Стоялъ и каменѣлъ, не поднимая вѣкъ,
И каменно рыдалъ отъ страха и безсилья.

Какъ человѣкъ бросалъ жену свою и мать
И уходилъ блуждать, отъ скуки безумѣя,
И было нечѣмъ — незачѣмъ — дышать,
И воздухъ былъ ему гранита тяжелѣе.

Я слышалъ вой въ ночи — нечеловѣчій зыкъ,
Отчаянье живыхъ предъ гибелью безцѣльной.
Такихъ не знаетъ словъ ни мой, ни вашъ языкъ,
Чтобъ рассказать объ этой скорби безпредѣльной.

...И все-же, уходя въ поля иныхъ временъ,
Предъ непроглядной мглой блужданій и открытій,
Всѣмъ знаніемъ моимъ нелегкимъ укрѣпленъ,
Вамъ говорю, друзья: живите и живите.

Воздайте Господу великую хвалу,
Закрывъ сердца хулѣ, сомнѣнью, укоризнѣ,
За колыбель и гробъ, за свѣтъ дневной и мглу,
За хоръ плѣнительный многоголосой жизни.

Въ дремучей скукѣ жизни безполезной
Блюсти законъ и ежедневный блудъ,
Работать, ѣсть и спать почти надъ бездной —
Вотъ праведный и мужественный трудъ.

Жить полной волей, страстной и упрямой,
Въ однообразьи оловянныхъ дней.
Ходить упруго, весело и прямо
Навстрѣчу вѣрной гибели своей.

Нѣтъ подвига достойнѣе и выше:
Такъ жить, чтобъ ничего не отдавать
Ни за безсмертье, что порой предслышимъ,
Ни за прошедшихъ жизнью благодать.

II

П О С В Я Щ Е Н І Е.

Благая вѣсть съ блаженной высоты,
Ты,
Свѣтъ радости въ зіяньи пустоты,
Ты,
Мой проводникъ на поприщѣ мечты,
Прими вотъ эти бѣдные листы,
Свидѣтелей трудовъ и чистоты,
Ты!..

ВОСТОЧНЫЙ ТАНЕЦЪ

Въ отвѣтъ на знакъ — во мракѣ балагана
Расторгнуто кольцо сплетенныхъ рукъ,
И въ ропотѣ возставшихъ барабановъ
Танцовщица вступила въ страстный кругъ.

Плечо и грудь вошли степенно въ пляску,
Въ потокѣ арфѣ нога искала бродъ,
Вдругъ зовъ трубы — и, весь въ легчайшей тряскѣ,
Вошелъ въ игру медлительный животъ.

О, упоенье медленныхъ качаній,
О, легкой шагъ подъ отдаленный свистъ,
О, музыка неслыханныхъ молчаній,
И — вдругъ — ударъ, и брызги флейтъ, и сестры!

Гроза. Безумье адскаго оркестра,
Раскаты трубъ, тревожный зыкъ цимбалъ.
Какъ мечется испуганный маэстро,
Но все растеть неукротимый валъ.

И женщина — безстрашная — вступила
Съ оркестромъ въ сладострастную борьбу.
Ее изъ мрака музыка манила —
И шель животъ — послушно — на трубу.

Но женщина любила и хотѣла —
И, побѣждая напряженный плясъ,
Она несла восторженное тѣло
Навстрѣчу сотнямъ раскаленныхъ глазъ.

О, этотъ часъ густой и древней муки:
Стоять во тьмѣ, у крашеной доски,
И прятать отъ себя свои же руки,
Дрожащія отъ жажды и тоски.

Я былъ пылинкою въ игрѣ міросмѣшенной,
Я еле былъ — въ полунебытіи...
Душа качала въ первобытной лѣни
Видѣнія безцвѣтныхъ свои.

Я шель, кружась, сквозь пустоту и бездны,
Сквозь сладость первозданнаго огня,
Весь осіянный счастьемъ бесполезнымъ,
Неудержимой радостью звеня.

И тамъ, гдѣ — вѣтромъ никогда не бита —
Душа росла въ пространствахъ, какъ трава,
Гдѣ шли, моимъ покорныя орбитамъ,
Веселыя и нужныя слова,

Гдѣ тишина цвѣла, благоухая миромъ,
Пришла ко мнѣ — и возмутила кровь! —
Изъ хаоса и тьмы грохочущаго міра
Незванная враждебная любовь.

Она пришла ко мнѣ безжалостно и грубо
Сломать мой кругъ, мой стихъ, мою судьбу.
И душу обожгла, и опалила губы,
Чтобъ солью огненной томить мою алчбу.

Вотъ ворвалась, пошла кружить и бѣсноваться,
Дыша стыдомъ, томленьемъ и тоской...
Остерегайся, ты, посмѣвшая ворваться
Въ мой гармоническій покой!

Въ пустышѣ и огнѣ, къ отравленнымъ колодцамъ,
Какъ нѣкогда, меня швырнуть ты хочешь вновь,
Но снова — твердъ и гордъ, иду съ тобой бороться.
Любовь, обрушья! Трещи, любовь!

Не довѣрай себѣ. Бѣги единоборства!
Вотъ въ этомъ тѣлѣ — бѣдномъ, какъ ковыль —
Сокровища стиховъ, терпѣнья и упорства,
Которыя скалу разрушать въ пыль.

Тяжка твоя ладонь — и я паду, быть может,
Но нынѣ я тебѣ велю:
Не слушай — не повѣрь! — дрожи смертельной дрожью,
Когда я крикну, сломанный — «люблю».

... Нужны были годы, огромные древніе годы
Псалмовъ и проклятій, торжествъ, ликованій — и мглы,
Блистательныхъ царствъ, урожаевъ, проказы, невзгоды,
Побѣдъ, беззаконій, хваленій и дикой хулы,

Нужны были годы, вѣка безнадежныхъ блужданій,
Прописшіе хлѣбы и горькій сжигающій медъ,
Глухіе вѣка пресмыканья, молитвъ и рыданій,
Пустынное солнце и страшный пустынный исходъ,

Мучительный путь сквозь пожары и дымы столѣтій,
Извѣчная скука, алчба, торжество и тоска,
Затѣмъ чтобъ теперь на блестящемъ салонномъ паркетѣ
Я могъ поклониться тебѣ, улыбнувшись слегка.

Какіе пески отдаляли далекую встрѣчу,
Какіе вѣка раздѣляли блуждающихъ насъ,
А нынѣ мы вмѣстѣ, мы рядомъ, и вотъ даже нечѣмъ
Засыпать пустыню и голодъ раскрывшихся глазъ.

И только осталось твое озаренное имя.
Какъ хлѣбомъ питаться имъ — жадную душу кормить,
И только осталось пустыми ночами моими
Звѣриную муку мою благодарно хранить.

Спокойно платить этой жизнью, отрадной и нищей,
За нѣжность твоихъ — утомленныхъ любовію — плечъ,
За право тебя приводить на мое пепелище,
За тайное право: съ тобою обняться и лечь.

О, упоенье крѣпкое: еще не любя,
За радость допотопную уже предать себя.

Руки еще не трогая, уже торжествовать —
Предвидѣть столъ и трапезу, и дружбу, и кровать...

.

О, полнота послѣдняя: ни слова не сказавъ,
Смотрѣть въ твои прекрасные — пустынные — глаза.

Два глаза — два окна въ побѣдоносный воздухъ!
Я много лѣтъ ихъ у Тебя просилъ!
Двѣ вѣсти о крылахъ, о чудесахъ и звѣздахъ,
Два обѣщанья радости и силъ.

Два глаза — два окна, распахнутые настезь
Въ края невѣроятной полноты,
Двѣ двери въ очистительное счастье —
Въ очарованье райской наготы.

Два глаза — двѣ страны, двѣ радостныя сферы
Безстыдной и ликующей любви,
Два праведныхъ луча, два страстныхъ знака вѣры,
Два раза утвержденное: живи.

Прочь,

Съ дикой жизнью своею, съ дѣлами, съ гробами своими.

Мнѣ не нуженъ никто, а вамъ не хочу я помочь.

Нынѣ во мнѣ пребываетъ любимое Имя.

Господи, научи счастье мое превозмочь!

Я отвергаю алчбу, униженіе, жалость и холодъ!

Нынѣ открыта мнѣ радость отчаянныхъ лѣтъ.

Именемъ труднымъ моимъ сводъ небесъ потрясенъ и раско-
лотъ.

Именемъ легкимъ моимъ бѣдный міръ окрыленъ и согрѣтъ.

Небо, сіяй иль греми — я смѣюсь надъ твоимъ приговоромъ!

Земля, уходи изъ подъ ногъ — я останусь среди гнѣвныхъ
высотъ.

Свѣтоносное Имя мое, среди яростной облачной своры,

Меня озаритъ торжествомъ, утвердитъ въ пустотѣ, вознесетъ.

Многолюбимая,

Ты,

Прости, что убогія строки

Тѣнью твоею я нынѣ посмѣлъ освятить.

Легчайшая, ты непосильнымъ грузомъ
Легла на домъ, дѣла мои — и дни.
О, встрѣча встрѣчь — мной былъ впервые узнанъ
Законъ любовной древней западни.

И я пошелъ, я ринулся — безногій! —
Закрывъ — уже ненужные — глаза,
Туда, откуда нѣтъ живымъ дороги —
Въ первоначальность, безъ пути назадъ.

О, Господи, какое просвѣтленье!
О, Господи, пытай меня, неволь —
Приемлю грѣхъ, приемлю искупленье,
Но дай еще послушать эту боль.

Ея глаза хмелѣли: «требуй, мучай...»
И руки ждали ненасытныхъ рукъ.
Но я не дрогнулъ предъ мольбой могучей,
Непобѣдимъ, спокоенъ, строгъ и тугъ.

Что тѣхъ минутъ достойнѣй, чище, лучше?
Противостать — и, счастьемъ вопреки,
Стоять, глухонѣмѣть, и молча мучить
Нагіе обреченные зрачки.

Чаять нечаянныхъ прикосновеній!
Видѣть, не глядя, все тѣ же глаза!
Имъ предаваться до тла, до забвенья,
Въ нихъ уходить безъ возврата назадъ!

Бросить въ игру одичалое тѣло!
Рухнуть — и прыгнуть — и стать, не дыша... —
Развѣ затѣмъ ты на землю летѣла —
Въ неповторимомъ полетѣ — душа?

Нѣтъ, я недолго у сердца любимой!
Я лишь затѣмъ у заманчивыхъ ногъ,
Чтобъ изъ любовной игры — нестерпимой! —
Снова возстать побѣдителемъ могъ.

И очищаясь отъ дѣлъ и желаній,
Вновь ухожу — на большіе труды —
Въ холодъ и великолѣпье молчанья —
Биться надъ глыбой словесной руды.

К О В Ч Е Г Ъ.

I

Я много дней его смолилъ,
Ночами щели конопатилъ,
Ночами камни, землю, иль
Носилъ въ потемкахъ по лопатѣ.

И послѣ долгихъ дней труда
Пришли обѣщанные сроки —
И взмыла дикая вода
Ковчегъ, уклюжій и высокій.

Ковчегъ плыветъ — и о борты
Напрасно бьются крики міра.
О, пѣнье нѣжное эфира
Въ краяхъ нездѣшной высоты.

Подводные минуя камни
Людской корысти, сновъ и дѣлъ,
Я вдругъ узнаю, какъ легка мнѣ
Моя душа — и мой удѣлъ.

Плывемъ, поемъ согласнымъ стадомъ —
Утробный рыкъ, и пискъ, и крикъ! —
Насъ ждетъ за Араратскимъ садомъ
Большой и ласковый старикъ.

И не для васъ, и не для рифмы,
(Твоя игра, земная смердь!)
Страданія избѣгнемъ рифъ мы,
Преодолевъ жизнь и смерть.

Что мнѣ ожоги вѣтра, зноя!
Я слышу розы и миндаль...
У райскихъ вратъ предвижу Ноя.
Онъ щуритъ глазъ, онъ смотритъ въ даль.

Плыву къ тебѣ, плыву, товарищъ,
Звѣриныхъ, милыхъ душъ пастухъ.
Какія вина гостю сваришь
За вѣтеръ, страхъ и темноту?

О, другъ блаженный и ровесникъ,
Мнѣ тяжесть всякая легка,
Но пусть скорѣй летитъ твой вѣстникъ —
Листокъ зеленый голубка.

II

Такою даль увидѣть вамъ во снѣ бы!
Ковчегъ мой шелъ по ангельскимъ слѣдамъ.
Подъ нимъ качалось и ревѣло небо,
Надъ нимъ гремѣла и неслась вода.

Еще гудѣлъ оркестръ людскихъ веселій,
Еще худѣли дѣти бѣдняковъ,
Биль колоколь, кружились карусели,
И отъ борьбы еще дрожаль альковъ,

Когда разверзлись мстительныя бездны
И гибнущая дрогнула земля!
И хлынулъ дождь, и грянулъ градъ желѣзный!
И вѣтеръ выль, взрываясь и пыля.

Кричали звѣри и ревѣли люди,
Обрушивались горы и дома...
Гдѣ — память дружбъ, любимыхъ ногъ и грудей!
О, этотъ вой! О, этотъ плачь и тьма.

Ты тяжекъ былъ, мой плодотворный жребій —
Ковчегъ стоялъ, онъ ждалъ средь горъ и скалъ,
И вотъ — идетъ въ неумолимомъ небѣ,
И въ ключья рветъ грома и облака.

III

Благославляю дыханье маслины.
Ужь воздухъ сіяль, напоенный виномъ,
И горнія къ намъ подплывали долины,
Когда голубокъ постучался въ окно.

Началась гора — и отъ ангельскихъ крылій
Легчайшій летѣль надъ горой аромать,
И руки рванули — и настезь открыли
Ковчегъ, подъ которымъ возсталъ Арарать.

И вотъ выхожу къ многовласому Ною.
Что — горе и пепель недавнихъ разлукъ!
О, братъ мой высокій. Иду — и за мною
Орель и верблюдъ, носорогъ и паукъ...

О, милья прелести труднаго рая.
Нѣжнѣйшихъ эфировъ колышется сѣнь.
По райскому саду неспѣшно гуляю —
Босыми стопами по райской росѣ...

Мы ищемъ, мы кличемъ — эй, Господи, гдѣ Ты?
И крикъ — будто пѣсня въ счастливой груди.
И бѣлыя руки въ эфирахъ воздѣты,
И ангель надъ нами летить и глядитъ.

IV

Вдругъ воздухъ заигралъ, колебля переливы,
И полыхнулъ — Его глаза!
За стройнымъ ангеломъ Онъ шелъ неторопливо.
И вотъ — Онъ сталь. И вотъ — сказалъ:

— «За то, что ты спасалъ для праведныхъ селеній
Стада надеждъ и стаи словъ,
Что табуны Мои отъ гибели и лѣни
Твое спасло — твое — весло,

— «Что изъ трясинъ и безднъ ты вывелъ непролазныхъ
И въ горькихъ водахъ велъ ковчегъ,
Что огибалъ обманъ и острова соблазновъ,
И шелъ на свѣтъ, и не спросилъ — зачѣмъ;

— «Что въ терніяхъ, въ дождяхъ растилъ ты чудный
колосъ,

Что имъ питалъ стада, стада...

И въ каждомъ шелестѣ стерегъ и слушалъ голосъ,

Что рѣялъ надъ тобой всегда;

— «Что былъ напрасень громъ воды быстротекущей
Предъ крѣпкою твоей рукой; —

Я говорю: взойди на розы райскихъ кущей

И лягъ, и пей, вкушай покой.

— «Я видѣлъ — высока была твоя работа.

Взгляни на Судные вѣсы:

Ты былъ упрямя и твердъ въ борьбѣ водоворотовъ,

Привѣтствую тебя, Мой сынъ!»

... И улыбался Ной, и счастье въ кущахъ спѣло —
Блаженствъ и тишины часы!

И плылъ великій свѣтъ, и все цвѣло и пѣло:

Привѣтствую тебя, Мой сынъ.»

III

Гляжу — и не вижу.
Говорю — и не слышу.
Ноги ходятъ, а я — недвижимъ.

Грусти о любви-же!
Гдѣ-то вѣтры колышутъ
Рыжій строй, радость рыжую ржи.

Гдѣ смѣхъ той лачужки —
Сонъ счастливый и многій —
Тѣ слѣды, тѣ плоды, та роса?..

Быль проще пичужки,
Пятки грѣль, крѣпконогій —
Пѣль въ горахъ и свисталь по лѣсамъ,

Гналъ въ тундрѣ оленя,
Шель по выжженнымъ весямъ,
Льды ломаль — и крѣпилъ паруса!...

... Свѣтъ благодной лѣни.
Я безплотень и весель.
Одиночество, стой на часахъ!

Я всѣ веселья отдаю — и радъ —
За слабый звонъ нездѣшнихъ струнъ и смѣха,
За переброшенное сотни кратъ —
Изъ темъ во тьмы летающее эхо.

Въ полночный часъ я стерегу просторъ.
Коплю уловъ, дрожащій въ лунномъ свѣтѣ...
Плыви въ меня, таинственный восторгъ!
Я жду тебя, стою голодной сѣтью!

На что мнѣ — слезы, радость и печаль!
На что мнѣ пыль и шумъ земной услады!
Душа моя, прощайся — и отчаль
Въ тишайшій край незыблемой прохлады!

Течетъ и плещетъ тихій океанъ
И берега холодные чаруетъ...
Я слышу пѣсню мимолетныхъ странъ,
Что благосклонно выплеснули струи.

Я слышу невозможные міры —
И я иду, счастливый и покорный,
Туда, гдѣ — знаки выпренокъ игры —
Качаются серебрянныя зерна.

О, Господи, промолви мнѣ: растай! —
И кану въ тьмы, благодаря и вѣря.
Какъ сладокъ ропотъ музыкальныхъ стай,
Что плещутся о Твой зеленый берегъ!

Т И Ш И Н А.

I

Сіяющій песокъ у запыленныхъ ногъ.
Гудитъ небытіе огромной тишиною.
Опустошенъ, блаженъ и одинокъ,
Стою и слушаю — въ пыли и зноѣ.

Неутолимимъ сномъ опалена,
Душа ведетъ меня въ огонь и соль пустыни.
Встаетъ миражемъ сонная страна,
Гдѣ все недвижно, благостно и сине.

... Мнѣ вѣчность зазвучала, какъ струна,
Семи небесъ суровое дыханье...

Душа кочевникомъ поетъ въ пустынѣ сна,
Моихъ горбовъ покорна колыханью.

II

Лежать вѣка на зрѣющемъ пескѣ.
Нѣтъ никого, нѣтъ ничего со мною.
Всѣ голоса остались вдалекѣ.
Я предаюсь забвенію и зною.

Журчить песокъ. Плыву, послушный плоть,
По струямъ неразслышанныхъ журчаній.
Я слышу ростъ — и предвкушаю плодъ:
Тугое, полновѣсное молчанье.

А ты, душа, ты дремлешь на плоту
И видишь упоительныя дали —
Ту голубую глубь и пустоту,
Что мы съ тобою давно предугадали.

Журчить песокъ. И по волнѣ тепла
Плыву, плыву — въ послѣдніе покои.
Я переплылъ моря добра и зла,
Держа весло упорною рукою.

По старый сонъ мнѣ преграждаетъ путь,
И вижу устрашенными глазами
Знакомую заманчивую грудь,
Былыя схватки съ нѣжными врагами...

Послѣдняя — веселая — борьба,
И сброшенъ грузъ — тяжелыхъ дней и мыслей.

Играй, греми, побѣдная труба.
Гуди, ликуй о сладостномъ безмыслии.

Пустынный свѣтъ, спокойный и простой,
Течетъ вокругъ, топя и заливая.
Торжественной послѣдней полнотою
Напряжена душа полуживая.

Плывутъ первоцвѣтущіе сады,
Предслышится мелодія глухая,
И вотъ не кровь, но безымянный дымъ
Бѣжитъ во мнѣ, свѣтясь, благоухая.

Земля покачивается въ убогихъ снахъ,
Въ тишайшемъ облакѣ пустыни безвоздушной.
Неупиваемы тепло и тишина,
Смиренье дѣлъ природы простодушной.

... Протяжный звонъ песка
И горькій зной земли обѣтованной...
Да будетъ вамъ стопа моя легка,
О, кости гулкiе прошедшихъ каравановъ.

Благослови, творящая рука.
Благослови единойды и дважды —
Я до конца дошелъ, не расплескавъ
Любви, смиренiя и жажды.

Какъ разсказать, что той просторной ночью
Шель въ пустотѣ — земной катился шаръ,
И слышалось, какъ рвется и клокочетъ
Земная раскаленная душа?

Кричала въ ночь невидимая птица,
И шла земля — покорно, чуть звеня...
И мнѣ почудилось: ей плыть межъ звѣздъ, кружиться,
Чтобъ въ свѣтъ и тьму нести-кружить меня.

Какъ разсказать, что той простою ночью
Меня томили воздухъ и покой?
Стоялъ, забывъ — чего Хозяинъ хочетъ,
И былъ печалень, и дышалъ тоской.

Подумать только, сколько есть людей,
Которыхъ въ этой жизни мы не встрѣтимъ —
По лѣности, по грубости своей,
Изъ-за именъ, глаголовъ, междометій.

И сколько ихъ, которыхъ въ этотъ часъ
Богъ знаетъ гдѣ — поблизости, быть можетъ, —
Такая-жъ грѣетъ радость, что и насъ,
И то же слово трудное тревожить.

Сообщники безвѣстные мои,
Быть можетъ вы сейчасъ со мною рядомъ
На томъ же страстномъ гибнете пути
Безъ вѣры и надежды на награду!

И вотъ, когда-нибудь, въ поляхъ иныхъ,
Въ непоказуемомъ премудромъ свѣтѣ,
Мы незнакомцевъ городовъ земныхъ
Нечаянно и благодарно встрѣтимъ.

И лишь тогда, съ великой высоты
На мiръ земной невозмутимо глядя,
Узнаемъ переулки и мосты
И городской знакомый чахлый садикъ...

И мы поймемъ въ тотъ дружелюбный часъ,
Мы съ позднимъ сожалѣнiемъ узнаемъ,
Что въ ночи одинокія не разъ
Одна вела насъ улица ночная...

Когда опустошенъ и одинокъ —
Непоправимо, горестно — былъ каждый,
Незримый братъ (то видѣлъ только Богъ!)
Томился той же пустотой и жаждой.

И С П Ы Т А Н І Е.

· I

Я занимался бранными дѣлами
И бился въ дрожи суетныхъ минутъ,
Когда меня овѣяло крылами
И трижды протрубило: «Довидъ Кнутъ».

О, стыдъ! Во тьмѣ нога съ ногой боролась,
Со мной играла милая моя,
Когда позвалъ меня суровый голосъ
И возвѣстилъ мнѣ: — «сынъ мой, это — Я».

— Оставь сей міръ! Мной суждено иначе.
Оставь заботы недостойныхъ дѣлъ,
Благодари: иной тебѣ назначенъ
Возвышенный, благой, мужской удѣлъ.

— «Возьми въ охапку хламъ земного дома,
Всѣ радости, всѣ горести твои,
Все, чѣмъ жива, утѣшена, ведома,
Слѣпая жизнь — въ геенны и рай.

«Подъемли грузъ безстрашными руками,
Возьми съ собою ножъ, огонь, дрова,
И понеси на жертвенные камни,
Гдѣ — прахъ и соль, гдѣ выжжена трава. .

— «Тамъ все, чѣмъ тщетно тѣшишься ты нынѣ,
Всѣ скудныя дѣла твоей земли,
Ты обложи пылающей полынью,
И преданно и твердо заколи.

— «За тотъ ударъ, за дымъ, за горечь муки —
За нищій крикъ сгорающей трухи —
Узнаешь край, гдѣ нѣтъ любви и скуки,
Услышишь неповторные стихи.

— «Ты обрѣтешь ту праведную землю,
Гдѣ лепокъ хлѣбъ, гдѣ маслины въ цвѣту.
Тамъ въ воздухѣ прохладномъ звуки дремлютъ,
Тамъ спитъ пчела — и птица — на лету.

— «Гдѣ благодать пустыню оросила —
Босой стопой ты ступишь не спѣша ..
Такого счастья даже не просила —
Не смѣла! — ненасытная душа.

— Повѣютъ вѣтры съ тихихъ океановъ —
И вотъ — летятъ крѣпительные сны,
И вотъ — поютъ высокіе органы
Блаженной, плодотворной тишины.

— «Такъ будешь жить въ гармоніи безбрежной
Такъ будешь чтить обѣтованный ладъ.
И слушать звукъ, и ждать его прилежно,
И умножать великолѣпный кладъ.

.. И я упалъ на дрогнувшую землю,
И зашаталась огненная синь! —
И ужаснувшись, крикнулъ въ тьму: пріемлю.
Аминь.

II

Дрогнули кедровыя полѣнья,
Треснули — и зажглись!
Металась въ послѣднемъ плѣнѣ,
Звѣремъ билась жизнь.

Завертѣлся огонь надъ страдалицей,
Прыгаль, взлеталь, сползаль,
Кусаль мнѣ лицо и пальцы,
Дымомъ кололъ глаза...

О, эта — въ багровомъ молчаніи —
Неравная борьба!
И въ богохульномъ отчаяньи,
Съ молитвою на губахъ,
Я на корчи, на вопли, на муку,
На эту мольбу и дрожь
Занесъ тяжелый ножъ.

Дрогнула твердь,
Обрушиваясь въ громъ и тьму.
Вихрь рванулъ мою руку!
Въ огненномъ трескѣ, въ дыму,
Въ запахѣ горѣлой кожи,
На мигъ
Зажегся ликъ
Божій.

Желѣзная смерть
Со свистомъ упала въ кусты.
Господи,
Ты!

III

... Мнѣ голосъ былъ: — «Остановись и внимли.
Освободи мятущуюся плоть,
И поспѣши покинуть эту землю,
Гдѣ я велѣлъ — связать и заколотъ.

— «Вотъ жизнь твоя! Мнѣ этого не надо.
Тебя-ли, сынъ, въ земныхъ поляхъ взыщу?
Нѣтъ! Я велѣлъ — и ты не зналъ пощады...
За эту горечь жертвеннаго чада
Я все тебѣ прощаю и прощу.

— Я говорю: за взглядъ, простой и легкій,
За эти три безжалостныхъ узла,
За этотъ ножъ, огонь, дрова, веревки,
За жизнь, что подъ ножомъ изнемогла,

— «Я, испытавъ тебя огнемъ закланья,
Тебѣ велю: живи, Мой сынъ, живи.
Не бойся сновъ и яростныхъ желаній,
Не бойся скуки, горя и любви.

— «Будь на землѣ, живя и умирая,
Земные вѣдай розы и волчцы,
Къ тебѣ изъ музыкальныхъ высей рая
Слетаться будутъ частые гонцы.

— «И, слушая неслышанныя пѣсни,
Что вѣтерокъ донесъ издалека,
Ты вдругъ поймешь, что нѣтъ игры чудеснѣй,
Чѣмъ этихъ волнъ улавливать раскатъ.

— «Такъ знай: ничто поэту не помѣха,
Но все ведетъ къ желаннымъ берегамъ.
Вотъ Мой завѣтъ: не бѣгать слезъ и смѣха,
Смотрѣть въ глаза любимымъ и врагамъ...

— «Стоять предъ гулкой солью океана,
Звучать въ отвѣтъ на радость, на прибой,
Въ веселіи, семижды окаянномъ,
Въ безплотный плясъ вступать — съ самимъ собой.

— «На женскую спасительную прелесть
Итти, какъ въ морѣ парусъ — на маякъ, —
Чтобъ милья въ ладоняхъ груди грѣлись,
Чтобъ женщину ласкать и звать: моя.

— «Земли порой оставивъ побережья,
Отчалить въ сны безцѣльной красоты...
...Свой малый путь пройти стопой медвѣжьей,
Съ медвѣжьимъ сердцемъ, яснымъ и простымъ.

— «... Не бѣгать благъ и дѣлъ юдоли узкой,
Но все принявъ, за все благодарить.
Торжествовать, когда играетъ мускуль.
Осуществлять себя. Плодотворить.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Я не умру	7
Музыка	8
Исполнятся поставленные сроки	10
Благодарность	12
Здѣсь человѣкъ живетъ	13
Лежу на грубомъ берегу	14
Пусть жизнь становится	15
Да, я повиненъ	16
Розовѣтъ гранить	17
Я вышелъ	18
Изъ моего окна	19
Въ дремучей сукѣ	22

II

Посвященіе	25
Восточный танецъ	27
Я былъ пылинкою	29
Нужны были годы	32
О, упоенье крѣпкое	34
Два глаза	35
Прочь	36
Легчайшая	37
Ея глаза	38
Чаять печальныхъ прикосновеній	39
Ковчегъ	40

III

Гляжу — и не вижу	49
Я всѣ веселья отдаю	50
Сіяющій песокъ	52
Лежать вѣка	53
Пустынный свѣтъ	55
Протяжный звонъ	56
Какъ разсказать	57
Подумать только	58
Испытаніе	60

ТОГО ЖЕ АВТОРА

**М о и х ъ т ы с я ч е л ѣ т і й. Первая книга стиховъ.
Изд-во «Птицеловъ». Парижъ, 1925 г.**

Т р е т ь я к н и г а с т и х о в ъ. (Готовится).

Книга эта набрана и отпечатана въ январѣ тысяча девятьсотъ двадцать восьмого года въ типографіи Наварръ въ Парижѣ.